

Акад. А. И. Тюменев

К ВОПРОСУ О НАЕМНОМ ТРУДЕ В ЦАРСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ВРЕМЕНИ III ДИНАСТИИ УРА¹

Поднятый в статье акад. В. В. Струве вопрос об источниках наемного труда в хозяйстве времени III династии Ура имеет очень существенное значение. Наемные рабочие часто фигурируют в документах царского хозяйства этого времени; наемный труд распространен был и в последующую эпоху I вавилонской династии. Известна, например, практика найма пастухов, найма пахарей для обработки земли, жнецов на время уборки урожая. В то же время с вопросом о наемном труде тесно связан и вопрос о мелкой аренде, представлявшей наиболее распространенный, чтобы не сказать, преобладающий, способ эксплуатации частновладельческих земель, не говоря, конечно, о непосредственной обработке земли самим владельцем и членами его семьи: мелкие арендаторы должны были проходить, по всей вероятности, из той же общественной среды, как и наемные рабочие. Для решения вопроса об источниках наемного труда, однако, мы не располагаем почти никакими данными. Не способствует решению вопроса, в частности, и документальный материал, привлеченный акад. В. В. Струве.

Первая половина статьи акад. В. В. Струве посвящена вопросу о положении наемных рабочих в царском хозяйстве времени III династии Ура. Факт практики применения труда наемных рабочих в эту эпоху засвидетельствован множеством документов, и акад. В. В. Струве вполне прав, когда видит в людях, получающих плату по отчету надзирателя Лугальгуде наемных рабочих². Некоторые сомнения возникают лишь в отношении тех граней, которые проводятся между группами, входившими в партию постоянных рабочих, и наемными людьми. Так, на стр. 18 статьи акад. В. В. Струве мы читаем: «Работа наемных людей всегда была связана с уроком, как, например, в неизданной табличке собрания Гос. Эрмитажа: «9 гуруш наемных [для] резания тростника по 2 сар. [Их] рабочая сила [исчисляется] по 5 сила». Работа же постоянных работников царского хозяйства часто не бывала связана с уроком, как, например, в неизданной табличке собрания Гос. Эрмитажа от 5-го года царя Гимильсина: «44 гуруш

¹ По поводу статьи акад. В. В. Струве, Наемный труд и сельская община в южном Междуречье конца III тысячелетия до н. э., ВДИ, 1948, № 2.

² Непонятно, чем вызваны замечания по моему адресу на стр. 16 и что именно должен я «учесть», поскольку в моей статье о термине «каль» я не отрицал факта применения наемного труда в царском хозяйстве и касался лишь терминологической стороны вопроса.

на 1 день [на] высокую территорию поля богини Нинурры доставлены. Надзиратель Идпаэ. Печать Урдульпаэ¹. Уже простое сопоставление текста этих табличек показывает, что в данном случае мы имеем дело, повидимому, с двумя различными видами документов — с одной стороны, с документами записи произведенных работ (такие записи должны были вестись и в отношении временных и в отношении постоянных рабочих, поскольку на основании их составлялись годовые отчеты надзирателей),² с другой, с документами, представлявшими своего рода расписку в получении рабочих с указанием лишь того, для какой цели они взяты. Естественно, что такого рода документы могли составляться только на постоянных рабочих, находившихся в распоряжении передававших их надзирателей; наемные же рабочие привлекались, очевидно, иным путем. Однако в тех случаях, когда партии наемных рабочих переправлялись с одного места работы на другое, и на них составлялись совершенно аналогичные записи без указания урока³.

Сомнительно также, чтобы наемные люди, помимо подневной платы, получали еще дополнительно месячную норму довольствия. Это представляется маловероятным уже по одному тому, что они были заняты лишь в течение тех дней, на которые были наняты, а не в течение всего месяца. Содержание самих приводимых акад. В. В. Струве документов не только не подтверждает того заключения, какое он на основании их делает, но скорее свидетельствует об обратном, а именно, что в случае найма не на подневные работы, а на более длительные сроки и наемные люди получали плату, соответствовавшую обычным нормам довольствия остальных гуршей (60 сила за месяц и 30 сила за $\frac{1}{2}$ месяца), причем ни о какой дополнительной плате ни в том, ни в другом документе не упоминается.

Установив факт существования практики наемного труда, акад. В. В. Струве далее ставит «вопрос о происхождении людей, работавших в царском хозяйстве III династии Ура» (стр. 21). Источников происхождения наемной рабочей силы он ищет в среде членов, стоявших вне царского хозяйства сельских общин, связывая распространение практики наемного труда с изменением в положении общинников к концу шумерской эпохи.

Центральное место в аргументации акад. В. В. Струве занимает документ из собрания берлинских музеев, в котором, по его предположению, идет речь об общинниках⁴. По своему общему типу и содержанию документ этот представляет обычный список людей, получающих зерновое довольствие и шерсть или одежду. Однако при именах пяти лиц, стоящих во главе списка, вместо зерна и шерсти указывается в необычном контексте термин «ган», служивший для обозначения меры земли⁵. Признавая названных пять лиц «владельцами наделов размером в 1 ган», акад. В. В. Струве

¹ Аналогичные документы обоего рода можно найти также в изданиях М. В. Никольского, Кейзера, Гакмена и др.

² В годовых отчетах надзирателей всегда рядом с указанием произведенных работ отмечался и тот «урок», или норма, согласно которой произведена была данная работа, кроме, повидимому, тех случаев, когда нормы работы вообще не учитывались, например, при сборе урожая.

³ См., например, цитируемую самим акад. В. В. Струве на стр. 19 аналогичную табличку за № 100 издания М. В. Никольского.

⁴ В статье упоминается и еще один аналогичный документ из того же собрания. Но поскольку сам акад. В. В. Струве считает его менее показательным, мы на нем останавливаться не будем.

⁵ В начале соответствующих строк стоит, скорее, не горизонтальный, а вертикальный закругленный знак (типа заглавного латинского D). Такие же знаки стоят в ряде мест и многих других лиц этого списка. Вот почему с большим вероятием можно отнести его не к «гану», а к самим названным в строке лицам, тем более, что для обозначения 1 гана служит обычно горизонтальный прямой (а не овальный) знак. Самый термин «ган» употреблен в необычном сочетании с идеограммой UD, UKU.

это свое заключение распространяет и на остальных людей списка, с тем лишь отличием, что они обрабатывали свои участки не отдельно каждый, а коллективно. «Нам остается объяснить, — говорит он — почему в следующих строках текста, начиная с вышепротитированной строки «1 [ган] носильщик 64 [сила] Аннахилиби» исчезает слово «ган» и заменяется цифровым «64 [сила]», т. е. 64 мерами «сила» зерна в месяц. Я полагаю, что все «носильщики», перечисленные в документе вслед за Аннахилиби и поставленные в связь с 64 мерами («сила») зерна, не владели индивидуальным самостоятельным наделом размером в 1 ган. Все они, очевидно, обрабатывали совместно большой участок и получали в течение 12 месяцев года то количество зерна, которое соответствовало среднему урожаю с 1 гана, т. е. с $1\frac{1}{3}$ гектара земли» (стр. 30). Поскольку средний урожай с гана на $\frac{1}{2}$ гура превышал годовое количество зерна, получавшегося отдельными лицами списка ($64 \times 12 = 768$), акад. В. В. Струве предполагает, что этот излишек уплачивался государству в качестве налога (стр. 30—31). Уплачивая налог, люди списка в то же время сами получали в качестве «подачек со стороны царского хозяйства» (?А. Т.) одежду и шерсть (стр. 32).

Уже с первого взгляда такая интерпретация не может не возбуждать ряда сомнений. Если же мы обратимся к самому документу, эти сомнения возрастут еще более. Прежде всего в документе нет никаких данных относительно коллективной обработки земли и, тем более, относительно уплаты налога. Далее, если и согласиться с тем, что люди, при именах которых указаны «ганы», действительно располагали небольшими участками земли, то нет оснований для того, чтобы и в остальных людях списка видеть таких же владельцев земельных участков¹. Напротив, в документе прямо указывается, что внесенные в список люди представляют собой работников (*eriu-me*, *ugil-me* — стк. 46, 51, 101 документа), принадлежащих двум определенно названным учреждениям, именно — «дому откормленных овец» (*é udu še*) и «дому откормленных быков» (*é gud še* — стк. 61 и 105). В частности, и из пяти лиц, при именах которых значится термин «ган», двое обозначены как «настухи откормленных овец» (стк. 1 и 9—10), из чего можно заключить, что и эти люди принадлежали к персоналу первого из этих учреждений. Обстоятельство рассматриваемого документа при относительно хорошей его сохранности дает возможность с еще большей точностью установить его характер. По каждому из двух учреждений составлены отдельные списки с подведением частичных групповых итогов (по нормам выданных количеств зерна и шерсти) и общего итога всех выданных количеств зерна, шерсти и одежд, получавшихся некоторыми лицами вместо шерсти.

В том, что в данном документе мы имеем не список общинников, по обычную запись выдачи довольствия хозяйственному персоналу, убеждает нас и анализ содержащихся в нем цифр. Цифры, которые акад. В. В. Струве читает как 64, должны быть расшифрованы не как 64 сила ячменя, но как 60 сила зерна и 4 мины шерсти, так как совершенно аналогичные обозначения выдач зерна и шерсти мы встречаем и в ряде других документов². Необходимость такого раздельного чтения еще определен-

¹ Вертикальный (а не горизонтальный) закругленный знак, стоящий в начале строк, вероятнее, как сказано, относится не к ганам, а к людям.

² См., например. H a s k m a n, Temple documents of the third dynasty of Ur from Umma, 1937, № 311; C. L. R e i s e r, Selected documents of the Ur dynasty, New Haven, 1919, № 211. Ср. документы из Лараша: R e i s e r, Tempelurkunden aus Telloh, Berlin, 1901, № 158; T h u r e a u - D a n g i n, Recueil des tablettes chaldéennes, Paris, 1903, № 399; B a r t o n, Haverford library collection of cuneiform tablets or documents from temple archives of Telloh, I—III, New Haven, 1905—1918, № 28 (II, табл. 66), 238 (III, табл. 113—114) и др.

нее выступает при дешифровке других встречающихся в документе цифр, как, например, 15 сила зерна и 1 1/2 мины шерсти (выдававшихся «сыновьям»). Расшифровывая таким образом цифры нашего документа, как относящиеся к зерну и к шерсти, мы получаем обычные нормы месячного довольствия по 30, 40, 50, 60 сила ячменя и по 4 мины шерсти взрослым и по 15—20 сила зерна и 1 1/2 мины шерсти детям («сыновьям»). Подсчитывая (по отдельным группам получателей в том порядке, как они помещены в самом документе) общее количество зерна и шерсти, выдававшегося по «дому откормленных овец», мы получаем итоги, вполне совпадающие с итогами, данными в самом документе. Результаты нашего подсчета могут быть выражены в следующей таблице:

Число лиц, получ. довольствие	Нормы выдачи ячменя в сила	Итого	Нормы выдачи шерсти в минах	Итого	Выдача одежд (штук)	Итого
2	40	80	—	—	1	2
2	30	60	—	—	1	2
1	20	20	2	2	—	—
11	60	660	4	44	—	—
2	40	80	—	—	1	2
1	20	20	2	2	—	—
1	30	30	—	—	1	1
3 ¹	15	45	1 1/2	4 1/2	—	—
1	50	50	—	—	1	1
24		1045 (или 3 гура 145 сила)		52 1/2		8

Такие же количества общей выдачи ячменя, шерсти и одежд указываются и в самом документе при подведении итогов по «дому откормленных овец»: 58: ячменя (še-bi) 3 [гур] 145 [сила]. 59: шерсти (sig-bi) 52 1/2 мины. 60: одежд (Tüg-bi) 8.

По «дому откормленных быков» его персоналу таким же образом выдавалось 2 гура ячменя, 19 мин шерсти и 9 одежд (см. стк. 162 сл.).

Ближайший анализ документа показывает, таким образом, что нет оснований предполагать, будто содержащийся в нем список людей имеет в виду членов общины и владельцев мелких участков земли. Все говорит, напротив, за то, что в данном случае мы имеем дело со списком выдач зерна и шерсти обычного типа. Что же касается пяти первых названных в нем имен, то в них, повидимому, следует видеть людей, принадлежавших к тому же учреждению, но вместо довольствия получавших небольшой надел в кормление (зерновое довольствие при их именах не указывается). Следует иметь в виду при этом, что такие лица, располагающие наделом, упоминаются лишь в одном из учреждений и отсутствуют в другом.

Точно так же и в другом документе (№ 382 издания Шнейдера), на который ссылается акад. В. В. Струве, содержится не менее определенное указание, что он относится к специальной категории персовала царского хозяйства, именно, к «людям леса» (lù tir-ra), в которых, повидимому, следует видеть лесных сторожей, лесничих. Известно, что область Дву-

¹ В итоге значится только один мальчик, получивший 15 сила ячменя и 1 1/2 мины шерсти, но помечены двое без указания количества полученных ими продуктов. В предшествовавшем же списке индивидуальных выдач указаны три мальчика, получившие такое количество зерна и шерсти.

речь была бедна лесами, и потому естественно предполагать, что при имевшихся насаждениях состояли особые лесничие. Таких лесных сторожей — «людей леса» (lù tir) и «людей при тамарисках» (lù giš-šinig) мы часто встречаем в документах времени Лугальянды и Урукагины¹. Участки, помечаемые в данном документе при именах lù tir-га (в 1 ган), специально обозначаются как «роща» или «лес» (tir), причем каждый с указанием особого наименования. Самый термин i-dib (или ni-ku), применяемый в отношении всех перечисляемых в списке людей, употреблялся в документах обычно в значении «взять», «принять» в ведение или на хранение.

Из всего этого можно видеть, что и lù tir-га не были членами сельских общин, но принадлежали непосредственно к персоналу царского хозяйства. Правда, имеется документ², содержащий запись 32 лиц, которые делают взносы каждый по 150 сила какого-то неизвестного продукта и имена которых совпадают с именами lù tir-га рассмотренного документа. Акад. В. В. Струве видит в этих взносах налог на них как на общинников. Против такой интерпретации говорит, однако, уже необычный предмет взносов. С другой стороны, нам известно, что на территории древесных насаждений производились посевы и что с них одновременно с лесными продуктами получалось и зерно³. Возможно, что и в данном случае имеется в виду какое-то растение, засевавшееся или дико произраставшее на территории лесных участков.

Анализ рассмотренных документов показывает, что в них тщетно искать каких-либо данных относительно наемного труда и судьбы общины и общинников в древнем Шумере. Вместе с этим и вопрос об источниках, из которых черпалась наемная рабочая сила в хозяйстве времени III династии Ура, остается открытым. Вероятнее всего, конечно, искать эти источники среди членов общин. Однако вовсе не обязательно вопрос о распространении применения наемного труда связывать с фактом разложения сельских общин. Мы знаем, как широко распространен был еще при I вавилонской династии институт больших семейных общин, и очень возможно, что именно внутри этих семейных общин и образовалась та излишняя рабочая сила, которая служила объектом найма.

¹ Lù tir: Thureau-Dangin, № 54, оборот I, 2; М. В. Никольский, II, №№ 30, III, 5; 52, III, 6; Lù giš-šinig: Thureau-Dangin, № 54, VII, 14, оборот I, 1; Genouillac, Tablettes sumériennes archaïques, № 14, оборот IV, 23; 20, оборот III, 12—13; М. В. Никольский, № 2, оборот IV, 12; 39, II, 3—4; Hussey, Sumerian Tablets in the Harvard semitic museum, I, Cambridge, 1912, № 7, оборот V, 9; 17, оборот VI, 5; 19, V, 3.

² Наскман, назв. издание, № 8.

³ Такая практика существовала, по крайней мере, во время Урукагины, см. М. В. Никольский, I, № 39, II, 3—4: прием зерна от lù giš-šinig Инимманизи.